

Ледоход — эпизод 4 из 8

Народ у нас лесной, долголетний, жилистой, говорит Осип Будырину, сидя верхом на вершине ледореза и прищуренным глазом измеряя откос. Выпусти конец бруса на вершок левой так!.. А ежели просто сказать дикой народ! Однова едет алхирей, они к нему, обкружили, пали на коленки, плачутся: заговори-де нам, преосвященное владыко, волков, одолели нас волки! Кэ-эк он их Ах, вы, говорит, православные христиане, а? Да я, говорит, всех вас строжайшему суду предам! Очень изгневался, плюет даже в морды им. Старенький такой был, личность добрая, глазки слезятся...

Саженом на двадцать ниже ледорезов матросы и босяки окалывают лед вокруг барж; хряско бьют пешни, разрушая рыхлую, серую корку реки, маячат в воздухе тонкие шесты багров, проталкивая под лед вырубленные куски его; плещет вода; с песчаного берега доносится говор ручьев. У нас шаркают рубанки, свистит пила, стучат топоры, загоняя железные скобы в желтое, гладко выструганное дерево, и во все звуки втекает колокольный звон, смягченный расстоянием, волнующий душу. Кажется, что серый день всею своею работою служит акафист весне, призывая ее на землю, уже обтаявшую, но голую и нищую...

Кто-то орет простуженным голосом:

Немца-а позо-ови-и! Народу не хвата-ат...

С берега откликаются:

Где он?

В кабаке, гляди-и...

Голоса плывут в сыром воздухе тяжело, растекаются над широкой рекою уныло.

Работают торопливо, горячо, но плохо, кое-как; всех тянет в город, в баню и в церковь, особенно беспокоился Сашок Дятлов, такой же, как брат, белобрысый, точно в щелоке варенный, но кудрявый, складный и ловкий. То и дело поглядывая вверх по течению, он тихонько говорит брату:

Чу, будто трешшит?

Ночью была подвижка льда, речная полиция уже со вчерашнего утра не пускает на реку лошадей, по линейкам мостков, точно бусы, катятся редкие пешеходы, и слышно, как доски, прогибаясь, смачно шлепают по воде.

Потрескивает, говорит Мишук, мигая белыми ресницами.

Осип, глядя из-под ладони на реку, обрывает его:

Это стружка в башке у тебя сохнет-скрипит! Работай, знай, ведьмин сын!

Наблюдающий погоняй их, что ты в книжку воткнулся?

Работы оставалось часа на два, уже весь горб ледореза обшит желтым, как масло, тесом, осталось только наложить толстые железные связи. Боев и Санявин вырезали гнезда для них, но не угодили, вышло узко полосы не входили в дерево.

Мордва слепокурая, кричал Осип, постукивая себя ладонью по шапке. Али это работа?

Вдруг, откуда-то с берега, невидимый голос радостно завыл:

По-оше-ол... о-го-го-о!

И как бы сопровождая этот вой, над рекою потек неторопливый шорох, тихий хруст; лапы сосновых вешек затрепетали, словно хватаясь за что-то в воздухе, и матросы, босяки, взмахивая баграми, шумно полезли по веревочным трапам на борта барж.

Было странно видеть, как много явилось на реке людей: они точно выпрыгнули из-под льда и теперь метались взад-вперед, как галки, вспугнутые выстрелом, прыгали, бежали, тащили доски и шесты, бросали их и снова хватали.

Собирай струмент! крикнул Осип. Живо, так вашу... на берег!

Вот те и светло Христово воскресенье! горестно воскликнул Сашок.

Казалось, что река неподвижна, а город вздрогнул, покачнулся и вместе с горою под ним тихо всплывает вверх по реке. Серые песчаные осыпи, в десятке сажен перед нами, тоже зашевелились и потекли, отдаляясь от нас. Беги, крикнул Осип, толкнув меня, чего разинул рот?

Жуткое ощущение опасности ударило в сердце; ноги, почувствовав, что лед уходит из-под них, как-то сами собою вскинулись, понесли тело на песок, где торчали голые прутья ивняка, обломанные зимними вьюгами, там уже валялись Боев, солдат, Будырин и оба Дятловы. Мордвин бежал рядом со мною и сердито ругался, а Осип шагал сзади, покрикивая:

Не лай, Народец...

Да ведь как же, дядя Осип...

Так же все, как было.

Застряли мы тут суток на двое...

И посидишь.

А праздник?

Без тебя отпразднуют в сем году...

Солдат, сидя на песке, раскуривал трубку и хрипел:

Струсили... три пятка сажен места до берегу, а вы бежать сломя голову...

Ты первый побег, сказал Мокей.

Но солдат продолжал:

А чего испугались? Христос-батюшко и то помер...

Чать, он воскрес опосля того, обиженно пробормотал мордвин, а Боев заорал на него:

Ты молчи, щенок! Твое дело рассуждать про то? Воскрес? Седни пятница, а не воскресение!

В голубой пропасти между облаков вспыхнуло мартовское солнце, лед засверкал, смеясь над нами. Осип поглядел из-под ладони на опустевшую реку и сказал:

Встала... Только это ненадолго...

Отрезало нас от праздника, угрюмо проговорил Сашок.